

Женитьба Иоанна Грозного

Небо над Москвой впервые за долгие зимние дни очистилось от завесы тяжелых серых облаков. И рассвет закружился тихий и легкий, рассеивая нежно – серебристый с палевыми отблесками свет. Дивная тишина окутывала еще не проснувшийся Кремль.

Митрополит Макарий, полночи проводивший в молитве, и в эти утренние часы молился за Отечество и за Великого князя Иоанна. Положив множество поклонов, Макарий покинул митрополичьи покои.

Спозаранку отправился он в царские покои. Его призвал сам государь Иоанн. Видно, была у него какая – то большая забота. Говорил Иоанн не раз Макарию:

- Ты для меня заместо отца и матери.

Для Макария это была не великая честь, а большая ответственность.

Не долог был путь Макария. Митрополичьи палаты не из бревен рубленные, а из камня сложенные были в Кремле рядом с княжичьими.

Иоанн встретил митрополита одетым в простом темном кафтане. Посторонился, пропуская Макария вперед. Митрополит неторопливо пошел по коврам к переднему углу покоев. Там были образа с убрусами. Пелены на них были увиты драгоценными камнями и дробницами, посверкивающими металлическим блеском. На подставце горели восковые свечи.

Макарий перекрестился. За ним следом осенил себя крестным знаменем Иоанн. Они подошли к лавке, покрытой бархатным с шелковой оторочкой полавочником. Сели рядом. Помолчали. Лицо Иоанна было задумчивым. Макарий не торопился выспрашивать, зачем его призвал государь.

- А скажи мне, отче, много святых было женатых.

Макарий удивленно взглянул на Иоанна. Хоть и молод был великий князь, но праздных вопросов не задавал. Видно, думу он о супружнице заимел. Сие дело весьма важное для любого человека, а особенно для государя. Можно заполучить такую супружницу, что она все царство верх тормашками перевернет.

Государю нужна не только жена, но и царица. И хотя несподручно монаху рассуждать о супружестве, митрополит начал говорить увлеченно:

- По первости хочется сказать о достохвальной княгине Ольге. О такой супружнице только мечтать. Как любила она мужа, что на лютую месть пошла за ради него.. На тризне погубила Игоревых врагов, дома их с помощью птах спалила.

С великим интересом внимал Иоанн многократно слышанному рассказу о великой Ольге. Но если раньше его занимали подробности мести, но теперь

он вникал в ее сердечные дела. У него даже вырвалось неожиданное замечание:

- Видно, очень страдала Ольга по Игорю и любила его. Вишь, даже императору отказала в браке.

- Сие, возможно, и легенда. Император был стар, и у него была жена.

- Нет, она отказала ему, - с уверенностью заявил Иоанн и даже как –то затаенно вздохнул.

Макарий понял сей вздох как ту язвочку, что, видно, с младенчества разъедала сердце княжича. Слухи доводили до его души вести неприглядные. Мать его, Елена Глинская, не успела похоронить мужа, как тут же завела любовника. Его Иоанн по – своему даже любил. Он был храбрым, красивым, заботился о благе малолетнего княжича.

Макарий уже рассуждал о Ефросинии Полоцкой, об Анне Кашинской. Пересказывая их жития, он так увлекся, что речь его текла нескончаемым ручейком. Не удержался Макарий и высказал свое сокровенное желание составить Четвы Минеи для своего Отечества. Труд ожидается большой, потребуются годы, да что там годы, вся жизнь, чтобы составить свод житий всех святых русского царства. Вот в тех фолиантах и найдут свое место жития великих жен России.

Макарий вспомнил и о жене деда Иоанна Софьи Палеолог. Она научила мужа почитать свои Византийские корни. В великом русском государстве она завела много новин. Они прижились на русской земле и дали свои всходы. Чувствовала ли она себя чужестранкой. Может быть, и не скучала по Греции, но постоянно оглядывалась на свою родину.. Гордость о своей царской крови она передала и сыну Василию.

- Я бы хотел себе тоже иметь великую жену, а прежде венчаться на царство, - сказал Иоанн.

- Я от всей души благословляю тебя на это.

Как возрадовалась душа Иоанна:

- Я объявлю это боярам. Ты, отче, приступай к подготовке к венчанию на царство.

- Знаешь, Иоанн, какой для тебя идеал. Всегда быть благочестивым и христоробивым царем. И ты удостоишься быть боговенчаным всея Руси самодержцем.

В княжеской палате собрались бояре, знатные сановники. Все тихонько обсуждали свои дела и как бы ненароком спрашивали друг друга:

- Что нам сообщит царь.

- Какой новостью оделит Иоанн.

- Что ждет наше царство.

Митрополит стоял в стороне. Он был спокоен и даже весел

Все замолкли, когда открылась дверь, и вышел царь в парчовом одеянии, медленно выступил вперед. Иоанн оглядел всех с улыбкой и пошел к Макарию, посмотрел на митрополита значительным взглядом и начал говорить громким звонким голосом:

- Уповаю на милость Божию и на святых заступников земли Русской, имею намерение жениться: ты, отче, благословил меня. Первою моей мыслью было искать невесты в иных царствах: но, рассудив основательно, отлагаю сию мысль. Во младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, могу не сойтись нравом с иноземкой: будет ли тогда супружество счастьем. Желая найти невесту в России, по воле Божией и по твоем, Владыка, благословению.

Митрополит ответил весело:

- Сам Бог внушил тебе намерение столь вожеленное для твоих подданных. Благословляю оное именем Отца Небесного.

Иоанн низко поклонился митрополиту и обратился к боярам:

- Еще до своей женитьбы желаю исполнить древний обряд предков и венчаться на царство. Нам всем, и мне, и митрополиту, и боярам нужно готовиться к сему великому торжеству, как бы утверждающему печатью веры святой союз между государем и народом.

Рано утром 1 января 1547 года Иоанн вышел в столовую комнату. Здесь уже с нетерпением ждали его богато одетые бояре. А в сенях толпились воеводы, князья, чиновники.

В сияющем царском одеянии из бархата и атласа, украшенном драгоценными камнями, золотыми и серебряными застежками, юный великий князь с блистающим взором был прекрасен. Он держал золотое блюдо. На нем лежали Животворящий Крест, венец и бармы. К Иоанну подошел его духовник – благовещенский протоиерей, Он поклонился великому князю. Иоанн подал духовнику золотое блюдо. Тот понес его в Успенский собор. Эти сокровища сопровождали князь Михайло Глинский, казначей, дьяки.

Иоанн молча стоял в столовой, ожидая возвращения духовника. Безмолвствовали и бояре. Никогда здесь не царила такая торжественная тишина. У каждого была своя дума, но в душах трепетала общая надежда – новое состояние, которое бояре, тонувшие в обычных распрях, не испытывали прежде никогда. Они все приступали к неизреченному таинству - венчанию на царство Великого князя. И оно как бы возлагало

печать и на лица подданных, затаившихся и необыкновенно сосредоточенных.

Иоанн глядел на своих бояр и не узнавал их. Великая радость рождалась и в его душе - не самолюбивая гордость, а сияние сопричастности к неизбывному благу.

Духовник вернулся с серебряной чашей со святой водой. Он поклонился Великому князю и ступил вперед. Иоанн пошел за ним. На улице духовник кропил людей, собравшихся в великом множестве. Все глаза были устремлены на Иоанна, выступавшего неспешно и величественно. За ним следовал князь Юрий Васильевич, бояре, князья и весь двор. Огромная нарядная процессия плыла словно река.

С особым ликованием ступил Иоанн на соборную площадь. Сегодня здесь все, казалось, трубило о вселенском торжестве. К нему готовилась Русь веками. Эту славу предвосхищали еще иконописцы – Андрей Рублев. Феофан Грек, Прохор из Городца..

Ныне Иоанну должны передать филофеевский крест, привезенный митрополитом Алексеем в 1354 году от Константинопольского патриарха Филофея. И вручен он был Великому князю Иоанну, отцу Димитрия Донского. Крест сей дается как знак правой веры, незыблительной, преподанной из Константинополя. Не устояла Византия, должна устоять Русь.

Золотой шапкой Иоанн 111 венчал на царство внука Димитрия. Это таинство укрепило Русское царство, взрастило его мощь. Этой вновь явленной силой удалось сбросить татар.

То, что соделывали царственные родственники, созидало и славу нового царя. Благодарность к мудрым предкам сейчас особенно остро ощутил Иоанн. Первый самостоятельный князь Даниил сыну Александра Невского заложил Успенский храм – первое каменное строение Москвы. И суждено ему было стать главным храмом Русского государства. И возвели его по примеру Успенской церкви города Владимира, а сделан он, яко един камень по Византийскому канону.

С необычным трепетом переступил Иоанн порог храма. И как никогда, отразилась в его очах и в сердце многочудная роспись. Ныне ее краски блистали с особенной силой. Иоанн будто ощутил заботу небожителей и их единство.. На какие – то мгновения он даже словно оторвался от своего земного торжества. И духом воспарил в горнее. Но вдруг оглянулся на стену Страшного Суда, сердце его защемило, и объял трепет и страх. Его смутило собственное недостойнство на великое избранничество, и Иоанн с трудом вернулся из мысленного далека. И здесь дух его вновь встрепенулся осознанием неотмирности своей миссии.

В церкви государь, приняв благословение митрополита, сразу же стал прикладываться к иконам. Задержался у большого образа Спасителя, обратив к нему молитвенный взор.

Когда царь сидел в своем парадном облачении на царском месте, Макарий вышел из алтаря на амвон. В церкви водворилось молчание и тишина. Митрополит обратился к царю с поклоном:

- Царь Иоанн, предшествуй к алтарю.

Иоанн остановился у амвона. Макарий начал читать молитвы, то тихо, то полным голосом. Затем крестообразно помазал голову царя миром и возгласил:

- Свят.

Окружение иноков на амвоне повторило этот возглас трижды, а затем трижды подтвердил народ. Дьякон дал кадило царю. Сам прошел в алтарь, за ним прошествовал царь, а следом ступал Макарий. Царь крестообразно кадил алтарь. Макарий принимал из его рук кадило и кадил на царя.

Иоанн и Макарий, выйдя из алтаря, поднялись по ступеням на амвон, поставленный посредине храма. Они сели рядом на два места, покрытые золотыми паволоками, поставив ноги на бархаты и камки.

Перед амвоном на богато украшенном аналое лежала царская утварь. Архимандриты подали ее Макарию. Митрополит торжественно возвестил:

- Господи, силою Твоею возвеселится царь. Самодержец Руси, прими венец на царскую власть. Настал момент достойного царя. Его венчает Божья милость. Прими от Мономаха шапку, бармы, цепь. То не сокровища, то символ высшей власти. Пойдет вся сила на тебя, чтоб Русь цвела и крепла, которой нужен сильный царь. Взойти на трон тебе помогут святые русские князья.

Иоанн склонил голову и тихо отвечивал:

- На все готов я, Господи, чтоб быть Твоим рабом.

Возлагая на государя крест, бармы и венец, Макарий громко молился, чтобы Бог оградил сего христианского Давида силою Святого Духа, посадил на престол добродетели, даровал ему ужас на строптивых и милостивое око на послушных..

Эти слова прозвучали для Иоанна, как небесный гром. Глаза его засверкали особым блеском.

Словно оглушенный Иоанн слушал литургию и в каком – то особенном превыспреннем состоянии. Он вздрогнул всем существом, когда Макарий торжественно возгласил народу:

- Свершилось венчание на царство русского царя.

Макарий обратился к государю с ликующим видом:

- Теперь ты, Иоанн, богоутвержденный царь. Помазание на царство – это переход к достоинству и высоте. Возлагается рука на человека, но все совершает Бог. Его десница коснулась твоей главы. И теперь ты естественным подобен людям, но властью подобен Богу. Царь – образ единого Бога, он – епископ внешних дел. Царь – божество в человеческом облике. Но ты и слуга Божий. Ты воззвал символ веры, ты сказал, что будешь верным сыном и рабом церкви. Ты возложил венец на голову, но и принял крест. Царь – наместник на земле. Уготованы ему Самим Богом царские утвари. Но знамения царской власти украшают царей до тех пор, пока блюдут они в царстве веру. А не то отдается та утварь другим. И тогда перед отступником будут змеи, жабы им же несть числа. Вот в чем твой великий выбор, царь: или перед тобой будет великий змей. Или же тебе будет дан венец из драгоценных камней, сапфира, изумруда и жемчуга. Тот венец – сокровенный доселе.

На храмовой лестнице царя осыпал золотыми деньгами князь Юрий Васильевич, доставая их из мисы, которую нес Михайло Глинский. Боговенчаному царю показалось, что с неба льются золотые лучи, хотя оно было светло, но не солнечно. Это был самый счастливый день Иоанна. Теперь он наименован царем. А Россия стала шестым царством, отмеченным в Апокалипсисе.

Радость великая осияла и народ, который увидел царя, вышедшего в шапке Мономаха, в драгоценном широком оплечье, в бармах, украшенных жемчугом, золотом, драгоценными камнями. Стоявшие до выхода из храма царя безмолвно, люди бросились в собор обдирать царское место. Каждый хотел на память взять кусочек с царского места.

Общая радость ликовала в Кремле.

Во дворце Макарий продолжал наставлять царя:

- Царское одеяние не только серебром, золотом и бисером украшается. Царь добрыми делами величается. Злой обычай – тот же томитель. Милостью одеяй не только подручных, дабы питались от крупиц падающих. Злохитровство прозревай, дабы горьких слез не проливать. И во всем надейся на Бога. Аще не Господь поможет, все будешь царство свое созидать. Ты теперь на Руси – кормитель и промыслитель. Не держи в душе злого и лукавого обычая, бесовского кичения. Денница за сие был свержен с небеси и ввержен на дно адово, где связан нерушимыми узами. Бог сердце и мысли наши зрит. Запомни крепко: зло в гордости и лукавстве пребывает

Сии слова царь воспринял как отеческие наставления. Его сердце охватила великая благодарность к митрополиту:

- Ты, Макарий, муж чудного рассуждения, твои слова нижутся, словно бисер.

- Но ты, Иоанн, не всегда увлекайся велеречивыми словесами. Иногда зло в лепоту рядится.

- Но твои праведные советы ложатся в самую мою душу. Зрю я твою доброту, постническое житие. И всегда вспоминаю твои советы, когда приближается ко мне зло.

- Мужайся и укрепляйся, царь, до последнего душевного исхода.

Государь поклонился митрополиту. Он был благодарен и ему за то, что в день сей осветилось его сердце неизбывной радостью. Иоанн ощутил не только, что вступил в новое житие, приняв всю власть на Руси на себя, он понял, что Господь может одарить его долгожданным счастьем, если он во всем станет делать правильный выбор.

Иоанн позвал в свои палаты князя Бориса Голицына. Вроде недавно они играли вместе в бабки. А теперь должны были строить взрослую жизнь, сидя на лавочках, обитых сафьяном. На Иоанне был бархатный кафтан, а на Борисе - из грубого темного сукна. Но теперь они разговаривали на равных:

- Скажи – ка, князь, есть ли на Руси знатные красавицы.

Князь стал перечислять знатных красавиц. У него выходило: все были красивы, но каждая по – своему. И наконец он заключил:

- Я знаю, на Руси больше всего красавиц. И когда они становятся женами, лучше наших жен нет. Вот только воли не надо им давать.

Иоанн кивнул головой и вспомнил:

- В Библии сказано, что жена не плетением волос ценится, а нравом. Добрую невесту бы найти и красивую. В столице много красавиц, но в России намного их больше. Но всю Русь не объедешь.

- А ты, Иоанн, покличь невест сюда. Надобно устроить смотрины. А прежде разослать царских гонцов. Пусть выбирают пока на свой глаз. Худородные нам ни к чему. Иначе выйдет одна потеха. А как выберут невест в разных краях, дать приказ явиться в стольный град. Самое время пристало жениться. Кончился Рождественский пост.

- Да, приспело время жениться, - согласился Иоанн. Известно, у женатого человека все дела идут лучше. А смотрины будем делать по старинке. В этом деле новины к добру не приведут. А главное всего в сем важном деле заручиться Божией помощью и попечительством святых угодников, как говорит митрополит. Да и вы, мои приближенные, постарайтесь, не зря вас милую великим жалованием и в чести держу.

- Все передам, кому надо цареву повеление. И к тому присовокуплю: Господь за счастье царя пошлет на Русь тишину.

Иоанн радостно оживился:

- Вот за это давай выпьем медку ежевичного

Царь придвинул на столе к Борису чашку, тот быстро ее опрокинул. А Иоанн только пригубил медку.

Царь еще не объявлял о предстоящих смотринах невест, но все уже ждали этого события, как объявленного. Вся Москва, да что там Москва, почитай, вся Россия замерла в ожидании. В боярских семьях начался переполох. Иоанн ничего не говорил, но всем было ясно, что иноземку брать в жены он не желает. Свои, доморощенные невесты и впрямь хороши. Эх, какие лебедушки среди них проявлялись.

Разговор об этом в боярских семьях стал излюбленным. Отцы и матери, всегда озабоченные выбором женихов для взрослых дочерей, теперь совсем потеряли душевный покой. Какой случай – то представлялся – получить царское достоинство. Конечно, все Господь управляет и без него ничего не бывает. Только и самим надобно подсуетиться. Разговоры шли разные. Мало кто всей душой сочувствовал Иоанну: царевич как никак сиротой рос, на боярские казни насмотрелся – жена для него должны быть, как мать, ласковая и заботливая. А иные считали, что такая – то, как мать и не нужна, чтоб волю самодержца не гасила. А были и такие разговоры, что юноша, хоть и царского звания, вряд ли сможет сделать правильный выбор. Ему любая девица приглянется, коль румяная, да волоокая.

Заволновалась ближняя и дальняя Дума. За царицей идет чье – то возвышение, а чье – то падение, и это всегда переворот.

В Москве на юродивых заглядывались. А ну, чего они напроносят.

Юродивый Гриша кричал:

- С неба звездочка упала, до земли так не достала.

Народ толковал в недоумении:

- Видно, невеста будет высокого звания.

- Так то и задумано. Престолюдинку царь не возьмет. А Гриша о другом пророчит: душа у нее будет высокая.

- Говорят, тяжелый год для браков. Воздержаться бы царю.

- За него в монастырях молятся, и Господь поможет. А женитьба отведет от шумных и грубых забав, которыми бояре развлекали царевича.

- И нам всем надо молиться, а то как придет презлая царица, весь народ изведет.

- Да может, она и не будет злой, а порчу наведут, и душеньку ее сгубят.

- Молитвы разрушают силу приворотных зелий.

Наконец царь собрал Думу и сразу же объявил:

- Совет наш сегодня будет важный. Пришло мне время жениться.

Бояре готовы были это услышать, а все одно заволновались, чья придет вольница, чей будет верх. Царь выбрался из пеленок, но разум его еще был млад. Со всех сторон посыпались советы:

- Надо нам смотрины обустроить, чтобы лучшая невеста не оказалась сокрытой.

- И день для смотрин надлежит выбрать особый.

- 22 января память священномученика Климента.

- Смотрины надобно устроить в Золотой палате.

Иоанн внимательно выслушивал осторожные высказывания бояр. В этом деле для него все было решено. Но он желал, чтоб его решение было утверждено общим мнением.

Много в Думе было переговорено, а о смотринах впервые повели речь. А как только был назначен день выбора невесты, Царь перевел разговор на торговые дела, и зашумели бояре о закупках, о продажах.

... Сановники, окольные, дьяки отправились в разные концы Руси разыскивать невесту для царя. Нелегким это оказалось делом – увидеть всех благородных девиц, выбрать из них лучших из лучших.

В Кремле к смотринам готовились как к самому главному делу. И царь не посещал никакие приемы, то ли Богу молился, то ли размышлял о чем наедине.

Как всегда, царь проснулся очень рано, до того, как постельничий приблизился к его ложу. Иоанн любил эти часы. Они полноправно принадлежали ему. В это время он был не царь, а просто человек. И его радовало это чувство отстраненности. Все царские проблемы отходили. Сейчас Иоанн был раб Божий. Постельничий знал, что в минуты пробуждения он не должен вступать ни в какие разговоры. Царь не только не ответит, но еще и рассердится.

Эти часы для Иоанна были временем особой близости к Богу.

- Господи, благодарю тебя за мое пробуждение.

Иоанну часто снились кошмары. Тяжелее всего было осознавать не свою беспомощность, что ощущалась во сне, когда за ним гнались темные фигуры, а свою униженность. Он, царь всея Руси, как мальчишка прятался от

невидимых врагов. И каждое утро Иоанн как бы восставал из этого унижения, куда зельно впадал.

А сегодняшний день был премного тих и спокоен. Как легонько опускалась пчела на лепесток, так тихо всплывали видения.

Придет время, душа вспорхнет к своему Творцу. Медоносными делами Бог желает встречать душу. Легко ли царю быть безгрешным. Он в ответе за то, чтобы сохранить и свою жизнь, и жизнь своих подданных от хищных волков – врагов. Чем меньше останется этих недругов, тем спокойнее будет жизнь других. Но будет ли легче ему, царю.

Постельничий тихонечко постучал в дверь, осторожно вошел в покои, поставил перед ложем зеленые сафьяновые сапожки.

Только теперь Иоанн почувствовал, что он готов к встрече нынешнего дня. Он встал и начал одеваться. Он услышал шаги, приближающиеся к двери. Иоанн подошел к двери и распахнул ее. Вошел духовник Сильверст с большой иконой Сергия Радонежского с драгоценными камнями в киоте. Иоанн опустился на колени перед образом, трижды ударил лбом в пол, многожды осенил себя крестным знаменем.. Встал и приложился к иконе. Потом он несколько минут стоял неподвижно. При тусклом свете свеч /Иоанн не любил, чтобы по утрам их зажигали много / фигура царя казалась особенно величественной и торжественной. Иоанн безмолвно выпрашивал благословение на нынешний день:

- Преподобный Сергие, моли Бога о нас.

Иоанн обращался и к Димитрию Донскому. Благодарность к предкам явственно всколыхнулась в его сердце.

Великий князь Димитрий спас Русь от татарского ига. И как бы передал ему, Иоанну, завет также упасти Отечество от татар.

Духовник поставил образ на лавку в угол. И сам опустился перед ним на колени. Начал громко молиться. Всю заутреню Иоанн стоял прямо, в душе подтверждая слова молитвы.

... Неторопливо пошел государь всея Руси в Золотую палату. Ан сердце от чего – то встрепелось. С утра он жаждал увидеть знамение. Загляделся на прилетевшую к окну птаху, на небо, затянутое хмарью и вдруг просветлевшее. Все это казалось знаменательным. И в душе его также распогодилось. Отчего – то вспомнилась мать. Сейчас бы она радостно хлопотала, помогая сыну выбрать невесту. В памяти всплыли из глубины, из непробудного далека ее взгляды, которые Иоанн, по детской наивности, ловил без обиды, взгляды, которые мать посылала своему любовнику.. В них была любовь. Смотрела ли мать также на отца. Этот вопрос возник почему – то сейчас. Иоанн гневно отогнал его от себя. Не ему судить свою мать,

оказавшуюся беззащитной на престоле. Иоанн любил мать очень нежной любовью, а когда она умерла, полюбил еще больше. Его сиротскую долю всегда скрашивала любовь к ней. И ему хотелось, чтобы жена была похожа на мать. Но вот теперь, в самый последний момент перед решительным выбором. Он отступил от материнского образа. Любовь к матери постоянно была окрашена глубокой болью. Захотелось уйти от этого и даже убежать. И он твердо вступил в Золотую палату. И сразу же был ошеломлен. Иоанн много был наслышан об отцовских смотринах, а свои просто поразили. Вот где впору растеряться. Советники здесь без нужды. Все невесты красны да пригожи. Вот та, у окна, схожа с материнским обликом. Да нет уж, куда там. А вот эта, курнявая, вроде бы пригожа. Нет - нет, вон как ее глаза резко вспыхнули. А вот еще разлюбезная в богатом жемчужном кокошнике. Взглянул на нее Иоанн и быстро отвел глаза.. Бросился к высокой девице в золотной шубке, и она вся обратилась к нему. Царя удивило, сколько преданности было в ее взгляде. И снова его отвело в сторону. Мало кто выдерживал его испытывающий взгляд. На глазах девицы в душегрейке появились слезы. Царь улыбнулся ей, глаза ее тут же засияли, но Иоанн отошел.

Царь уже притомился. Не для потехи выбирал себе пару. Но сердце его молчало, хотя глаза горели. Мать Божия, помоги не пройти мимо суженой.

- Анастасия Романовна Захарьина, - неожиданно представили ему очередную девицу.

Иоанн взглянул в ее сторону и вдруг явно ощутил то знамение, коего ждала его душа.

Колокольный звон загудел в его сердце, благовест праздничный.

С удивлением царь смотрел на девицу. Хороша, глаз не отведешь, белолица, черноброва. Даже в шубке злотной вылитая царица.

Иоанн стал смотреть на дьяка нетерпеливо. Целый список у него еще разных фамилий. Не каждая боярская дочь покрасовалась перед государем. Но только бы не уплыла лебедушкой Анастасия Романовна. Да нет же, померещился ему и тот колокольный звон, и теплое сияние ее улыбки. Иоанн оглянулся снова на нее: мила и пригожа, нет пригожей на целом свете. Все в палате поняли: вот она избранница. Эко заликовали глаза царя. Быть посему. Взгляды всех устремились на девицу, кто смотрел с завистью, кто с любованием. Эх, птаха, высоко довелось тебе залететь, крылышки можно посжечь.

Ай да Анастасия свет Романовна.

Иоанн порывисто достал из зепы ширилку. И когда Анастасия приняла из рук царя расписное полотно – покров для своих плеч - возликовала его душа.

Анастасия поклонилась государю до полу. Взгляды их встретились. Нет, не удивление было в ее глазах, а радость долгожданной встречи.

Вот чего не хватало царю в его расписных палатах. Общей радости.

Все сторожили каждое царское движение, желая угодить государю. А Анастасия, царь теперь твердо знал, утешит его в сиротском одиночестве, которое так и продолжало жить в его душе. Краса очей Анастасия. Здесь дочери из разных мест явились, как звезды загорелись. Но как луна засияла меж ними Анастасия. Иоанн спросил ее тихо:

- Ты знаешь, что должна уметь царица.

- Совет держать во всем с царем.

- Завтра свадебный поезд к тебе домой приедет.

- Я так буду ждать, - ответили ее глаза. Глядеть бы в них, не наглядеться.

Государь взял за руку суженую. Девушки расступились, царь повел невесту на возвышение. Митрополит стал читать молитвы на благословение брака.

Когда Иоанн покинул Золотую палату, словно солнышко спряталось за тучами в его душе. Тешила Иоанна скорая встреча. Слов важных друг другу не сказали, а будто наговорились вдоволь.

Не было еще такого у Иоанна, чтоб сердце так тревожно трепетало. Царские покои враз клеткой золотой стали.

Ночью матушка приснилась довольная, веселая. Значит благословила и она выбор сына.

Он радовался и в молитвах благодарил Спасителя, утешившего его в цветущей юности.

...Загудел, всполошился стольный град. Царица должна явиться на престоле в чаянии наследника. Да чья ж она, да откуда. Захарьиных дочка. Отцу ее, окольниковому, государь - отец Иоанна доверял. Когда был при смерти, у своего ложа сидеть позволял. И сие было знамение, что после смерти государя будет новое родство. Из честного семейства юная поросль произрастала, верно царю всегда служить желала. Верил Иоанн и в то, что не будут новые родственники никакую смуту заводить на престоле.

В доме Захарьиных все только и говорили о том, что Анастасия будет царицей. Да как бы больших напастей от этого не стало. Захарьины всегда были услужливы для царского дома. Но самим породниться с венценосцами

– это была великая честь. Но о ней Анастасия как бы и не думала. Она спокойно слушала наставления матери и братьев.

- Трудно жить в белокаменной палате Соломония получила от ворот поворот за бездетность, - вздыхала матушка. – Ты еще не ведаешь, как нужно держать ухо востро на царском дворе. Бояре будут сторожить, пойдет ли царица в их защиту, аль против них. А коль затаят они недовольство, так и не жди добра. От царицы много зависит, возрадуется аль озлобится царь.

- Ну, ты, мать, не пугай Настюху, а то и уходить от нас раздумает, - усмехнулся брат Григорий.

- А мы неволить ее не станем. Пущай сама решает. Вдругорядь ее не позовут. А ворочаются оттуда не по своей воле. Но ты знай, дочка, что мы тожь люди именитые древнего боярского рода. Всегда были опорой престолу. Ну, что ж ты, дочка, молчишь, не сомневаешься ли в чем. Готова ли ты стать царицей.

Анастасия не успела ответить, как вдруг, спохватившись, мать воскликнула:

- Ой, запомнили мы, помнишь, отец Геннадий Костромской говорил нам, что дочь наша будет царицей.

И матушка стала дочке давать уже наставления, какой она должна быть женой:

- Молодая жена должна быть очень ласковой, стараться любую скуку у мужа прогнать.

Анастасия улыбнулась:

- Что мне сказки царю баять.

- А что, сказка тожь утеха. Лаской надо мужа веселить.

- С царем и в шахматы можно поиграть, - научали братья. Они еще не пришли в себя от нового своего положения царских родственников. А сестра понимала ли, что произошло. То свою косу теребила, то за пальцы хваталась.

- Благодарю вас, маменька, братья, за все. Замужество мое – воля Божия. Видит Господь, что не искала я себе сей дом. А как Он распорядится, все приму с благодарностью.

- Ну, как, сестрица, хочешь жить в избе бревенчатой или в палате белокаменной.

- Почем знать мне, где лучше. Поживу и увижу.

- А ну как опостылишь царю аль не угодишь чем, и прогонит тебя с глаз долой.

- Почем я знаю, что уготовано, можь и уйти придется.

Родители Анастасию всегда мудреной прозывали. Не все высказывала она, что было у нее на душе. Слушала, помалкивала, отвечала на вопросы, а потом лишь что – то добавляла. А коль расположится в доверии, все изложит, что у нее на душе. Дивились родные ее мудрости.

- Плохо царю в тереме одному, - задумчиво произнесла Анастасия.
- Как же одному, о чем ты говоришь, дочка, сколько у него холопов, челяди, бояр.
- А сколько ему напастей и козней строят.
- А тебе откуда сие ведомо.
- Наслушалась ваших разговоров.
- Ох, боюсь, дочка, что опостылит тебе царский дворец.
- Так я там буду не одна.
- А тебе, дочка, только и знать нужно, что опочивальню, трапезную и молельню. Мы никогда свары не затевали, хотя цари совет с нами держали. И ты знай, что и там, в палатах, в царском звании не вольна ты будешь. Станут к тебе подсылать скверных людей. А ты не бойся сетей. Какие бы хитрости ни вязались, все одно пустотой обернутся эти напасти и козни, если Бога на помощь призывать. А ты царю Богом дарована, так нам сказал святой Геннадий. Ну, пойду я распоряжаться, как сватов получше встретить.

... Девки дворовые с ног сбивались. Они пекли хлеб, варили пиво, курили вино. Из ледника доставали мясо и рыбу, тащили на кухню соленое сало. Доставали из рогож вяленую и пластовую рыбу. Хоть не пир намечался, а только сватовство. Но на угощение потом придут многие. Да и как не угостить соседей и нищих.

Целое утро бегал к воротам Григорий Захарьин на погляд, не появились царские обозы, а их все нет и нет. В доме все сбились с ног. И скатерть не та застелена, и ковры не так уложены. Все снуют туда – сюда. И только Анастасия не суетилась. Она пребывала в молельне, била поклоны перед образами.

В дверь постучала матушка:

- Анастасия, родная, у тебя ж еще волосы не уложены и не нарумянена ты. После помолишься.

- Погоди, матушка, погоди. Царь тоже молится.

Матушка не стала спорить, раз подсказывало сердце девичье, значит что – то ведало.

Анастасия вышла из молельни радостная. Пошла в свою палату переодеваться. И теперь уже заторопилась:

- Свадебный поезд уж из Кремля выехал. Вот – вот и гости будут на пороге.

... Хотя морозец прижимал, на московских улицах народу было много. И старые, и молодые торопились к Китай – городу, к Варварке, увидеть свадебный поезд, поклониться государю.

В обозе царь сидел на попоне из барсовой шкуры. У седоков вместо поводьев были большие серебряные цепи со звеньями. А конская сбруя из серебра была унизана бирюзой и рубинами.

Народ, стоящий около дороги, низко кланялся проезжающим обозам. А царь, закутанный в шубе, в бархатной шапке, отороченной соболем, надвинутой на самый лоб, смотрел вверх людских голов, на барские хоромы, рубленые и каменные со стекольчатými окнами, на амбары, крестился, увидев золоченый медью купол храма. Он ехал в Китай – город, построенный его матерью. В том, что он там нашел свою избранницу, тоже было для него знамение. Вчера Иоанна сжигало нетерпение побыстрее вновь увидеть свою избранницу, а теперь беспокоил вопрос, в самом деле она суженая его. И снова царь вокруг высматривал знамение, к добру ли сия дорога иль к худу. И что можно было увидеть, когда кругом толпился народ.

Издали еще, въезжая на Варварку, вдруг увидел царь у заветного дома столб морозный. Новый знак, иль померещилось. Видел ли еще кто это. И к чему сие видение. Но никто не охнул, не вскрикнул.

От главной дороги к хоромам тянулась мощеная дорожка, выметенная от снега. За забором на высоком тереме видны узоры по фронто́ну.

За ворота выбежал в одном кафтане брат Анастасии Григорий. Как похож он был на сестру – чистая копия. За ним следом выскочили дворовые. Они быстро распахнули ворота. И как только заехал свадебный поезд, ворота тут же притворили. Возле караульной избушки взъярились собаки на цепях.

Царь первый сошел с обоза, огляделся – крепкого хозяина был двор, хоть давно схоронен Роман Юрьевич. Прах его мирно в земле почивает, а уклад, установленный им, крепится. В порядке конюшни, хлев, сад. Везде добротные постройки, ограда из тесаных кольев.

Царь взошел по крутым ступеням на высокое красное крыльцо с точеными балясинами. Никита Романович распахнул перед ним дверь на железных крюках. Иоанн вступил в просторные сени с потолком из крашеного теса, с новыми рогожками на полу. Он снял шубу и отдал дворовому. На нем была голубая флязь, украшенная парчой, желтые узорчатые сапоги.

В горнице царь прежде поклонился красному углу, где были образа, богатые и роскошные, с золотыми и позолоченно – серебряными венцами, с драгоценными камнями и жемчужной обнизью. Дворовый тут же подбежал к

окнам, распахнул шелковые с золотыми узорами наконники. Иоанн одним взглядом окинул хоромный наряд. На дубовом столе с резными ножками была застелена алтабасовая с золотошвейной каймой скатерть. На ней на блюде лежала большая просфора, а вокруг стояли высокие подсвечники с зажженными восковыми свечами. Половицы в горнице были выскоблены добела. В горницу вошли сваты. И тут же Захарьины вышли навстречу царским гостям. И мать, и дети поклонились до самой земли. Поклонился им и царь. Тысяцкий вышел вперед и тоже поклонился:

- Для доброго дела явились к вам.

Матушка прижала руки к груди:

- Таких гостей наш дом не чаял видеть. Ох, как бы порадовался наш хозяин, коли дожил бы.

Тысяцкий тоже приложил руку к груди:

- А вот наш хозяин хочет сделать хозяйкой вашу дочь, коли возжаждет и ее душа в лепоте дней. Любой дом устраивает добрая слава хозяев. А царский - особо. Он украшается не только золотом и серебром, но и душевным добром. Наш царь венчался на царство по образу своих прашуров и царей греческих. А теперь пристало время, чтобы связан был он еще одними таинственными узами.

А потом выступили свахи. Пока они по сватовскому обычаю чинились друг перед другом, расхваливая царского жениха и добронравную невесту, все молча с интересом выслушивали краснобаек. А Иоанн опять почувствовал смутное беспокойство, словно его лишали бесценного дара. Его нетерпеливая натура уже стала тяготиться затянувшимся обрядом.

Но вот наконец в горнице, словно солнышко, появилась Анастасия в шафрановом сарафане, переплетенным серебром и золотом, выбитым бархатом. Взглянув на царя, она зарделась всеми красками утренней зари

До чего же хорош в эту минуту был Иоанн в желто-золотистом царском одеянии с жемчугом и беличьей подпушкой.

Царь глядел на невесту сияющим взором. Его сердце радостно забилося при виде своей суженой, подавая весть о большой взаимной любви. Сейчас они были так счастливы, будто много – много лет искали друг друга по всему свету и только теперь обрели счастье увидеться. Мир и блаженство грезилось им впереди.

Это состояние пронзительного счастья молодые почувствовали и во время своего венчания в Успенском соборе. У Иоанна даже появилось ощущение,

что его жизненный корабль наконец – таки заплывает в надежную пристань, спасаясь от бурь и сокрушительных волн. Подвенечный сияющий наряд невесты словно подчеркивал ее кротость и благодать, могущие стать крепким якорем семейного ковчега.

Слушая венчальные песнопения, Иоанн просил Бога благословить их брак. Что он хотел обрести в супружестве. Всегдашнее спокойствие и утешение. Только кроткая жена может его подарить, усмирить всякую душевную бурю, помочь спастись от злых наветов. Сам мир и любовь станет несокрушимой стеной. Иоанн понял, как устал он терпеть бури и волнения. Сколько он уже перенес за свою пока что короткую жизнь. Смерть дорогой матушки, сиротство. Каким горьким оно было. Шумные забавы, которым царевич предавался так азартно, чтоб рассеяться от надвигавшейся печали, не могли унять поселившуюся на долгие годы боль в сердце. Сугубо тяжелой она становилась от боярских распрей.

И вот наконец пришла надежда на утешение. Так что же он желал увидеть в жене – любовь или утешение. Пылкая его природа жаждала не только утешения, но и укрощения., которое могла подарить только любовь, соединяя друг друга в единую плоть. И тогда кроткая душа жены, как предчувствовал царь, все для него облегчит и подарит истинную радость.

Макарий для Иоанна был в его житейском плавании искусный кормчий, который своим благоразумием как мог утешал душевные бури Иоанна. А благое сожитие с супружницей утвердит в душе мир и любовь. И сие будет крепкой защитой царской семьи, и в любой буре не утонет их ладья.

Анастасия, над головой которой держали венец, не думала о своем новом царственном величии, об утехах. Она тоже помышляла и о житейских бурях, и о волнениях, которые будут пытаться разбить в щепки их семейный корабль. И она просила Бога подарить ей огромное терпение, чтобы ни в чем не нарушать в браке согласия, молила дать силу быть верной помощницей супругу в самых тяжких испытаниях.

Макарий, благословляя молодых на брак, говорил им о великой силе таинства венчания, которое соединит их в единую плоть. И вот теперь супруги так явственно ощутили это в нежном прикосновении рук. Особенно знаменательными показались им слова венчающего их митрополита:

- Днесь таинством церкви соединены вы навеки, да вместе поклоняетесь Всевышнему и живете в добродетели, а добродетель ваша есть правда и милость. Государь, люби и чти супругу, и ты, христоробивая царица, повинуйся ему. Как святой крест - глава церкви, так муж – глава жены. Исполняя усердно все заповеди Божественные, узрите благая Иерусалима и мир во Израиле

После венчания Макарий с радостной улыбкой поздравил Иоанна и Анастасию:

- Вы теперь от Бога сочтены царским и законным браком, почтены великим венцом, таинством Церкви соединены навеки. Вместе поклоняйтесь Всевышнему. И вы должны стараться во славу Всесильного Бога творить Его заповеди, жить в Его воле, любить суд и правду, милость иметь ко всем. Государь, люби и чти супругу. И ты, христоролюбивая царица, повинуйся супругу. Как святой крест – глава церкви, так и муж – глава жены

Царь обратился к митрополиту:

- Владыка, благослови нас, с царицей после свадьбы пойти в Троицко – Сергиеву Лавру и там провести первую неделю Великого поста.

- Бог благословит вас, царские супруги.

В царском дворце начался свадебный пир. Царь возвышался на позолоченном сиденье в одежде, отделанной листовым золотом. Серебром, золотом и бисером разукрашена была и одежда Анастасии, восседавшей рядом с царственным супругом.

За длинными дубовыми столами, покрытыми узорчатыми скатертями, сидели знатнейшие бояре, князья, советники в одеждах из золотой парчи и в бархате, в вышитых жемчугом кафтанах. На передних местах расположились бояре древнего рода.

На столе перед царицей был поставлен кубок с теремом на крышке, а перед царем на крышке кубка возвышалась фигура воина с копьем. Рядом были стоянцы в виде яблок и груш. У приборов лежали ложки и двугубые вилки с фигурными рукоятками, ножи, оправленные золотом и серебром с драгоценными камнями

На столах стояли сосуды агатовые, сердоликовые, из горнего хрусталя с позолоченными венчиками, деревянные ковши с резьбой, кувшины, четвертины, братины с раздутыми боками, с суженой шейкой, кругообразными рукоятками, чарки, рога, оправленные серебром, солонницы в виде зайчиков и с верхом, украшенным финифтью, узорные серебряные уксусницы и перечницы.

Холопы по двое, по четверо разносили на кольцах большие серебряные блюда с запеченными лебедями, гусями и поросятами, судки с жидкой пищей, тарели с мясом.

Царь сидел, внимая речам, услаждающим слух. Родовитые бояре, степенно кланяясь, прославляли милостливого государя, скипетродержателя, называя

его мужем чудного рассуждения. Они призывали государя мужаться и крепиться, прибавлять в государстве прибитки к прибиткам.

Гости высказывали почитание и родовитому корню Захарьиных. Поднимая кубки с фряжским вином, они произносили многолетие царю в сладости, в веселии, в любви. Разливалось вино и романское, и ренское.

Царь то светлел лицом, то каменел, выслушивая словеса, кои бояре низали, словно драгой бисер. Но разве на пиру услышишь праведные советы, здравые словеса. Многие яди и питии все растворяют. Вспоминались слова Макария о мире сем, яко лукавой блуднице, омрачающей и очи мудрых, погубляющих многих адовой корыстью, высокоумничеством и ослушанием.

Сии помыслы Иоанновы, неуместные на пиру, что –то сбили в его душе. Он как бы растерялся, будто нечто важное от него утаилось. И в какой –то миг даже случилось, что Анастасия стала ему очень далекой. Иоанн сильно испугался. И как быстро он отстранился от Анастасии, также быстро и возвратился к душевной близости с ней. И она показалась ему еще ближе и дороже.

Анастасия, слушая хвалебные речи, рассматривала позолоченные колонны, сводчатый потолок, рисунки на стенах, изображенные золотом и красками.

- О чем ты думаешь, моя супружница, - спросил Иоанн царицу.

Анастасия опустила глаза, но тут же прямо посмотрела на царя:

- Я теперь все время думаю только о тебе, мой государь. - Она улыбнулась, и у Иоанна стало так легко на душе.

- Государь желает высказать свое слово.

Царь встал. Сверху оглядел всех. Многие бояре смотрели на царя подобострастно. Здесь все те, кого он жаловал великим жалованьем. Но седобородые подданные ведали, что царская милость легко может перейти в лютую казнь.

Царь стал говорить громко, чуть ли не надрывно:

- Государство наше ведется от великого князя Киевского Владимира. Мы государи прирожденные, а вы – извечные бояре. Нужно, чтобы между вами не было вражды, и тогда царский трон будет крепок. А Русь станет выше Римского и Византийского государства.

Глаза Иоанна лихорадочно заблестели. Задрожал кубок в его руке. Но он поймал ласковый взгляд Анастасии. В нем было столько любви и понимания, что она стала так близка, что государь даже чуть сбился со своей бравой речи и заговорил более спокойно и радостно:

- Я теперь связан нерушимыми узами. Это великое бремя жажду нести всю свою жизнь с надеждой на Божию помощь. .

После пирогов, калачей, пряников, которые в изобилии стали разносить по столам, появились гусельники. Они стали выбренькивать веселую музыку.

Затем прибежали дудошники. А следом выскочили шуты и шутихи, скоморохи. Один шут в большом колпаке приблизился к царю и спросил тихонько:

- А что думаешь, царь о своем величии.

И вдруг загигикал, а потом загоготал:

- А юродивый, слышал, что брякает. На борзom ишаке хотят тебя увидеть. И сколько сказок про тебя расскажут. Будешь ходить сажей измазанный, а царицу твою заменят. Вот что юродивый брешет.

- Пошел прочь, - тихо сказал царь, а холоп пнул шута ногой. Он отлетел в сторону, вспрыгнул и начал пляску вместе с другими скоморохами.

Хмурое лицо царя просветилось. И он уже весело поглядывал на плясунов. Но, взглянув на Анастасию, заметил в ее лице мелькнувшую грусть. Но она тут же светло улыбнулась царю Иоанн на несколько мгновений прикрыл глаза, и привиделось ему, что на пиру стоят пустые столы. И сидит он только один с Анастасией. И даже веселый шум на время заглох. Иоанн понял, что он чувствовал себя постоянно бесконечно одиноким. А появление Анастасии осветило в его жизни очень многое. Да, да, одно его появление оказалось таким значительным и важным. И хотя на свадьбе было много народу, молодые как бы оставались наедине. Когда Анастасия глядела на Иоанна, он видел, что она понимала его душу, готова была служить ему, вместе идти к Богу. В ней столько читалось кротости, добра. Сможет ли она помочь супругу затушить огонь гнева, который прорывался иногда в Иоанне. Нет, нет, не об этом нужно было думать сейчас.

Какой покой и мир исходил от Анастасии. Иоанн понял наконец, чего ему так не хватало в жизни. А, может, он напридумывал это. Видеть в невесте нечто материнское, нужно ли это сейчас, на свадьбе, перед брачной ночью. Да нет, не о том опять думалось. После венчания Иоанн обрел не просто свою половину. Он вроде бы обрел себя и теперь надеялся, что это не самообман.

Почему эти мысли пришли сейчас. Иоанн на пирах чувствовал себя особенно одиноким. И он понял, что так теперь не будет. Он был так благодарен Богу, что Господь помог обрести ему целость.

Открыв глаза, Иоанн увидел улыбающиеся лица гостей, но ему в самом деле так сильно захотелось остаться вдвоем с Анастасией, что он готов был встать и уйти с нею. Но к столам все подносили и подносили вина, напитки. Царская свадьба играла и бушевала. Иоанн поймал взгляд Анастасии. Он был благодарным и сдержанно радостным.

- Я знаю, голубка моя, о чем ты думаешь. Ты боишься, что тебя посадят в золотую клетку. А птичка даже в золотой клетке не поет.

Анастасия солнечно улыбнулась:

- С любимым любые хоромы: и царские палаты, и людские избы хороши. Я только сейчас это поняла. Ты веришь, Иоанн. Даже если ты сейчас прогонишь меня, ты будешь мой единственный супруг, ты веришь мне. А я верю в тебя, моего дорогого царя.

- Голубушка, я знаю тебя недавно, а мне кажется, что мы всегда были вместе.

Молодые зашли в опочивальню, посреди которой стояла нарядная постель, покрытая белым бархатным одеялом, подбитыми соболем. На пузатых подушках с белыми атласными наволочками, унизанными по краям жемчугом, ползли шитые золотом и серебром узоры

Анастасия остановилась у входа, внимательным взглядом обвела покои, задержав глаза на колодцах с выдвигаемыми ящичками, на стоящих на них ларцах, расшитых золотыми узорами и окаймленных металлическими кружевами. Иоанн улыбнулся, протянул руку к самому большому ларцу, открыл крышку, и оттуда вынырнул сияющий блеск драгоценностей.

- Это подарок тебе, Анастасия.

- Это царский подарок, - улыбнулась она и спросила:

- Это украшения цареградской царицы.

Иоанн заговорил внушительным тоном:

- Во мне течет Византийская кровь. Но наше царство выше Византийского и Греческого. И ты, Анастасия, должна понять свое назначение, чтоб быть настоящей царицей.

- Я буду царицей.

- Я понял это, как только увидел тебя. И благодарю Бога за то, что Он подарил мне тебя.

Царь замолчал, безмолвно стояла Анастасия. Но сейчас без слов Иоанн почувствовал ее некий трепет. Ему захотелось ободрить супругу

- Помнишь, и духовник, и Макарий сказал нам, что мы теперь единое существо. Ты дрожишь, а я это чувствую. Ты боишься меня.

- Тебя – нет. Но в хоромах царских я пока что не чувствую себя дома.

- Попривыкнешь. Я хочу, чтоб ты стала полной хозяйкой. Тебе здесь припасены наряды, потом примеришь, - царь указал рукой на рундук – Зеркало подскажет, что выбрать себе. А для меня ты в любом наряде пригожа.

- Зеркало, - задумчиво сказала Анастасия.- Я видела во сне, что мы с тобой смотримся в зеркало.

Вот оно новое знамение: одинаковый сон они видели.

- Я слышал колокольный звон, когда увидел тебя.

- И ты тоже, - удивленно переспросила Анастасия.

- Ты мне Богом дана, краса очей, - ласково произнес царь.- Я не ведаю, за что мне такое счастье. Когда Макарий благословил меня на брак, первой мыслью было искать невесту в иных царствах. Но ангел хранитель подсказал, что не могу я сойтись нравом с иноземкой. Я стал просить Бога, и Он мне помог. Я хотел такую супругу, чтоб она была мне помощницей. Царский крест тяжелый. У Руси столько иноплеменных врагов.

- Да, мой царь. Так велики нападки на наше царство. Зловерные, немилостливые стремятся истребить святую Церковь, царя. И если не устоишь, мой благоверный, то быть нам всем в великих нуждах и печалях, а то и в срамоте, в поношении и в беде. Я буду тебе всегда помощницей.

- Бояре ... - Иван оборвал себя на полуслове.

Супруги замолкли, поняв, что не о том надобно сейчас им речь вести. Благочестивого брака просил у Бога Иоанн. И Он, Всемилоостливый, одарил его и любовью. Анастасия заворуженно смотрела на восковую свечу на позолоченном поставце. Иоанн удивился. Он знал ее думки. Она тоже вновь и вновь благодарила Бога за их встречу. Иоанн диву давался, откуда он так глубоко уже знал ее душу и так бесконечно ее любил.

Свеча затрепетала и вдруг погасла.

- Я вздую огонь, - тихо сказала Анастасия.

- Не нужно, - чуть слышно ответил Иоанн.

В голове его зазвучала старинная свадебная песня, он подошел к супруге, взял ее за руку и обрадовался ее ласковому теплу.

- Настенька, радость сердца моего. Ненаглядная, дорогая.

- Мой великий господин, - тихо ответила Анастасия.

Царь нежно обнял супругу, поцеловал. Она с лаской ответила на поцелуй...

Царь проснулся рано, осенив себя крестным знаменем, тихо и осторожно, чтоб не разбудить спящую супругу, сполз с кровати, в исподней рубахе вышел из опочивальни, постучал в каморку постельничьего. Когда тот отворил дверь, строго спросил:

- Ты почто не будил меня.

- Я думал, вы будете долго отдыхать после вчерашнего пира.

Царь пошел в умывальню. Задумчиво остановился возле серебрянного с позолоченными чеканными рыбками на стоянце. рукомойника. Наконец Иоанн как бы встрепенулся, отогнав от себя нежную истому. Начал умываться, долго плескаясь над золотой умывальной чашей. Он взял рушник у постельничьего и снова укорил его:

- Ты хотел, чтобы я проспал заутреню.

Постельничий ничего не ответил. Такого еще не было, чтоб он не будил царя.

- Духовник здесь.

- Ждет.

- Пусть войдет в крестовую комнату.

Царь оделся и пошел в свою молельню, где от пола до потолка висели иконы, украшенные драгоценными камнями. Из 37 образов 27 были Пресвятой Богородицы. Иоанн стал зажигать свечи.

Духовник вошел с образом, оклад которого весь сиял драгоценными камнями. Он поставил икону на стол. Иоанн опустился пред нею на колени.

Духовник был рад, что царь не изменил своему привычному утреннему распорядку. Они вместе стали молиться, а потом торопливо пошли в церковь. Духовник отправился в алтарь, а Иоанн стал на своем царском месте. Как он любил это время. Оно всецело принадлежало ему, когда он говорил с Богом не как царь, а как грешный и окаянный человек.

Он вздрогнул, когда увидел стоящую чуть в отдалении Анастасию. Она внимательно слушала чтеца, глядя на образ Спасителя. Как возликовала душа Иоанна, что Анастасия рядом. Но Иоанн испугался своей радости. Он пришел предстоять пред Богом, а сам думает о своей жене.

- Прости меня, Господи, - безмолвно обратился Иоанн к Спасителю. – Благодарю Тебя, что Ты дал мне помощницу, чтоб нести царский крест. Мне горит звезда равноапостольного Константина, первого христианского царя. Он избрал Византию, распространил ее, оградил святыми церквями. Не было государства паче и величайше. И дай мне, Господи, силы пойти его стопами.

А рядом молилась Анастасия, горячо прося Бога за себя и царя:

- Господи, царь – твой избранник. Ты своей милостью сделал его главой земного порядка, а меня его помощницей. Помоги нам во всем и сделай, чтоб наш брак был честным и осиянным большой любовью.

Царь душой ощутил пламенную молитву супруги, усилилось и его молитвенное вдохновение. Иоанн понял, какое это счастье молиться вместе с любимой женой.

То большое счастье огромной любви, которое он только ожидал, окутывало уже его нежным и радостным покровом.